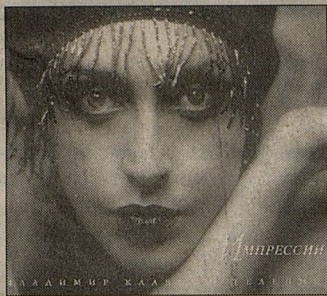

Импресии как некрополь

Издан авторский альбом культового фотографа 90-х

Иван Куликов

Владимир Клавихо-Телепнев. Импресии. (Тексты – Глеб Шульпяков). – М.: Ридерз Дайджест, 2002.

Говорят, что фотограф Владимир Клавихо-Телепнев совершил революцию в русском «глянце», который до середины 90-х представлял собой зрелище безрадостное и малоэстетичное. Может быть. Но кто об этом помнит? И где вы найдете этот «глянец»? И стоит ли вспоминать о пустяках, когда работы Клавихо собраны наконец в один альбом и лишены актуального контекста? Странно даже представить себе, что этот «контекст» у них когда-то был. М-да.

Впрочем, именно эта «странность» сработала в свое время на Клавихо-Телепнева, чьи искусно подобранные фотоизображе-

ния дали фору гламурному перфекционизму глянца. Фокус в том, что Клавихо принадлежит к той разновидности фотографов, которые еще помнят о существовании фотопечати: дежурного процесса по обращению негативного изображения в позитив. Притом не только помнят, но и активно его эксплуатируют, добиваясь определенных эстетических результатов.

В профессиональной среде таких фотографов называют «махальщиками»: за то, что те машут руками во время вторичной экспозиции негатива на фотобумагу, буквально выплетая нужное изображение под потоком света из увеличителя. Аполлогеты прямой фотографии всегда выступают против «махальщиков»: последние, с их точки зрения, пытаются обмануть и переделать изначально честный негатив, дискредитируя тем самым саму идею фотографии – отпечатка реальности, который в силу самой фототехнологии получается без человеческого вмешательства. Вмешиваясь в процесс печати, «махальщики» – махая ли руками, ретушируя, монтируя, обновляя или удревняя – пытаются получить некое субъективное изображение, которого никогда не было. Фотографию «из головы». Фирменный стиль Клавихо-Телепнева

рождается именно на этой «вторичной» стадии.

Клавихо – гений фотопечати. Разработанная им технология искусственной руинизации фотопечаток вызывает восхищение. Но природа этого восхищения исключительно декадентская. Следует всегда отличать ее от того пронзительного чувства, которое охватывает нас при виде шероховатой стены или стоптанных ботинок. Ибо модный фотограф Клавихо-Телепнев снимает не бомжей и питерские коммуналки, а махровейшую российскую богему. Но делает это так, чтобы у зрителя рождалось ощущение, что люди эти давным-давно умерли, а их фотографии – побитые грязью и дождем – сворованы с ушедших в землю кладбищенских камней. С помощью искусно расставленных пятен, грязных потеков, трещин и потертостей Клавихо сотворяет мертвецов, симулирует работу Хроноса, наращивает на желатиновом слое несуществующий пласт времени, который и сообщает изображенным (не сфотографированным, а именно изображенным!) персонам некое важное и дефицитное дополнительное измерение.

Отсюда – странная ирония в названии фотоальбома: слово, некогда обозначившее целый артманифест, культивировавший сиюминутность и спонтан-

ность изображения, начертано теперь на вратах виртуального некрополя (технология «маха» совершенствуется: теперь на этой стадии участвует компьютер). Впрочем, есть в этом парадоксе и своя историческая логика, если вспомнить, в каком вымороченном и безвременном пространстве прозябает российская арттусовка. Фотограф Клавихо-Телепнев предложил ей именно то, чего ей так недостает, – признаки времени. И не важно, что, будучи искусственными, они остаются призрачными. Главное – впечатление, «импресии».

А потому и тексты, которыми снабжены фотоработы (не фотографии!) Клавихо, – уже не раздражают, как могли бы раздражать иных фотопуристов (помнится, именно чудовищными стихами запороли во время оно чудесный фотоальбом Кати Гончаровой). Ну не могут, не могут русские люди рассматривать фотографии в их голом первозданном виде, хоть тресни! Обязательно тексты нужны. С виньетками. Но в нашем случае читать их нужно как эпитафии тому самому голому первозданному виду, отпечатку реальности. Скажем так, закрывая альбом: «Безвременно ушедшим. От безутешно скорбящих». Тогда и возвращается гармония, и все встает на свои места.

Нет, это не поэтесса Серебряного века. Это ведущая телешоу «Слабое звено» Мария Киселева.

Фото Владимира Клавихо